

Христос и преобразование времени (эсхатология настоящего)

14 июня 2012 г.

Зелинский Владимир, свящ.

Рассуждения о тайне эсхатологического настоящего, открывающегося в Церкви, лежат в основе статьи священника Владимира Зелинского. Центральным понятием публикации является феномен времени, рассматриваемый в его соотношении с вечностью.

1. «Во гробе плотски...»

Символ веры первых христиан был краток, плотен и прост; само его звучание было в чем-то подобно вспыхнувшему внезапно свету. Апостол Павел передает эту веру так: *«Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господа и сердцем веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься»* (Рим. 10,9).

Исповедание это легко можно свести к его ядру: *Иисус – Господь*. Это кредо обладало некогда громадной, скажем так, взрывной энергией, которая выражала себя в небывалом излиянии Духа на одно поколение за другим. Сила, заложенная в имени Иисуса, разряжалась во все новых обращениях, облекалась в молитвы, наполняла видения молящихся, собирала Соборы, чеканила догматы. Она простирала *«облако свидетелей»*, посылала одних проповедовать Евангелие даже до краев земли, других посылала скитаться *«по пещерам и ущельям земли»*, вела в пустыню, слагалась в пророчества, в каноны катакомбных Литургий...

Первохристианский символ, утверждавший мессианское достоинство Иисуса и обетование спасения, заключенное в Его имени, был обращен одновременно к непроглядному прошлому и к будущему, уходящему за пределы времен. Он связывал собой «мир сей» и тот, который должен прийти, соединял реальность сегодняшнего дня и ту, которую «чаем» со дня Воскресения. Ибо *«время исполнилось»* (Мк. 1,15), и его *«исполнение»* вошло во всякое «здесь и теперь», которое открывает себя в бесконечном.

Здесь и теперь – Иисус (есть) Господь. Он – с нами и не только с нами живущими; Его присутствие отбрасывает свой свет на всю историю людей, бывшую до нас. Имя Его странствует со столетиями, наполняет Духом Своим всякую эпоху. Исповеданное однажды, оно не становится запечатанным хранилищем, сберегаемым до Страшного Суда, но несет в себе бесконечную открытость ко всему, что было, будет, есть. Оно вспыхивает вновь и вновь, окликает нас по дороге, идет поодаль с нами или совсем рядом.

ΚΥΡΙΟΣ ΙΗΣΟΥΣ: все Евангелие уместается здесь в двух словах, несущих три вести: одна возвещает историчность Иисуса из Назарета, Который *«пребывал с нами»*; другая предоставляет нам язык для нашей веры в Господа, Которого *«не видел никто никогда»*; третья открывает – и это не менее важно, – что Их союз, Их единство, конкретного Человека и непостижимого Бога, обнаруживает, являет себя в то мгновение, когда мы провозглашаем Иисуса Господом в *«беспредельности настоящего»*. То, что мы произносим устами, и то, во что веруем сердцем, соединяет в себе отделенный от нас исторический факт и обетование новой встречи. Слово стало плотью в лоне человеческого существования, неотделимого от его жизненных ритмов рождения, возмужания, старения, кончины. Господь обитает по ту сторону наших времен, но Он – *«с нами Бог»*, Бог в том времени, которое выпало нам на земную долю, *«при Понтийском Пилате»*, как говорит наш Символ, но также и при Нероне, Константине Великом, Грозном Иване, Сталине или ком-то другом. Он – Тот, кого пророк называет *«Ветхий денми»* (Дан. 7,13), и возраст Его включает в себя пропасть шести дней творения, но также безмерность эсхатологического чаяния преобразования всей твари.

Следуя по следам этого имени, мы находим и *«Младенца в пеленах, лежащего в яслях»* (Лк. 2,12), Которого Его Мать, Его родственники носили некогда на руках и укладывали в ясли. Мы видим крест, тянемся сердцем к Воскресению, и все это вписывается в то неиссякаемое настоящее, которое *«было, есть и грядет»* и пребывает с нами как нетускнеющая икона Его обитания на земле.

Бог, став Человеком, соединился и с теми событиями человеческой жизни, которые составляют природу временности. Он подчинился им, хотя и остался их Господом. Назовем эту временность тварью и, может быть, даже упрямой тварью. В эпоху творения мира бывшая одной из Его овец, она стала теперь Его

ярмом, пастырем, хозяином, спутником, другом и, в конце концов, палачом.

Войдя в человеческую жизнь, Иисус *«уничжил Себя Самого, приняв образ раба»* (Фил. 2,7) временности; Он не уклонился от обреченности смерти, но разделил также и простую радость быть среди собственных Его созданий, осененных Его благословением. *«Исполнилось время, – повторяем мы вслед за Иисусом, – и приблизилось Царство Божие»* (Мк. 1,15), когда, выйдя из бездны до-времени, Слово сошло на землю. Вот оно рождается, растет, входит в возраст и сознание своего служения, встречает первых учеников, вступает в беседу с ними, приглашает их к себе. И они входят в дом Слова Божия. *«И пробыли у него день тот. Было около десятого часа»*, – почему-то уточняет Евангелист (Ин. 1,39) в интонации той же космической симфонии Воплощения, которая овладевает нами с первых же звуков Иоаннова Пролога.

Хочется задержаться здесь и на минуту умолкнуть перед этим кенозисом вечности. История Бога среди собственных Его творений как-то неожиданно и непринужденно изливается в этот день и час, который становится сейчас пространством ее главного свершения. Шехина, слава Божия, невидимо наполняет человеческое, временное, непритязательное жилище. И остается там навсегда.

Кажется, Иисус «устраивается» во времени, как в яслях после Своего рождения. Рожденный от Отца *«прежде всех век»*, Он пересекается с галилейскими рыбаками *«около десятого часа»* (около четырех дня по нашему измерению), которые становятся «малой церковью» на пути Его прохождения сквозь время к тому новому небу и новой земле, в которых времени больше не будет. Звук Его голоса, тень, падавшая от Его тела, слова, начертанные на песке Его тростью, – все они остаются как фрески, написанные красками, которые никогда не сотрутся на стенах этого храма.

К чуду Воплощения мы можем приблизиться, не только исповедуя словами его непостижимость, но и рассветами и закатами, прохладой и зноем, смертной истомой и покоем, пережитыми вместе со Словом, облеченным человеческой плотью. После Его пребывания на земле мы призваны жить в тени царства часов и лет Иисуса, дабы они соединились с днями нашего существования так же, как Его Тело и Кровь соединяются с нашим телом и нашей кровью в Таинстве Евхаристии. Евхаристия служит и в *исполненном времени*, которое есть таинство настоящего – прозрачная тайна реальности, пребывающей здесь и теперь.

«Таинство Воплощения Слова, – говорит прп. Максим Исповедник, – содержит в себе смысл всех загадок и образов Писания, а также знание являемых и постигаемых умом тварей. Познавший таинство Креста и Гроба (Господня) познает и цель, ради которой Бог первоначально привел все в бытие»^[1]. Это таинство совершается прежде всего в таком существовании, в котором неслиянно и нераздельно соединяется некогда бывшее с еще не бывшим, но ожидаемым, чаемым нами.

«Ветхий денми» сотворил мир «в начале», Слово облеклось в плоть «в последние дни», как говорится в евхаристической молитве св. Василия Великого, и Сын Человеческий придет в тот день, когда *«солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблятся»* (Мф. 24, 29). Но все эти три проявления времени соединяются в Царстве Божиим, которое уже приблизилось, но остается свернутым и узнаваемым лишь в тайне Христовой. Она чуть приоткрывается в именах, которые Сидящий на престоле дает Себе в Апокалипсисе: *«Я есмь Альфа и Омега, первый и последний»* (Откр. 21,6). Все эти имена Его Существа означают и Его одновременное пребывание как во времени, так и в вечности, наконец примиренных друг с другом. Мы знаем прошлое, настоящее, будущее в четком их разделении, в их грамматических и психологических нюансах, в их противостоянии друг другу и даже в непримиримом их споре, однако в Слове воплощенном, в Альфе и Омеге, противостояния не существует. Бог обитает во времени, в котором прошлое и будущее воплощены и сосредоточены в их неуловимой одновременности, в едином *«живом источнике вод»* (см.: Откр. 7,17), и поток его не имеет ни начала, ни устья. Ибо исток и устье Слова, текущего, бегущего вместе с историей людей, можно открыть во всяком моменте Его пребывания с нами.

Согласно Преданию, восходящему к апостолу Петру, Христос после смерти Своей, *«ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал»* (1 Пт 3, 18-19), отпустил *«измученных на свободу»* (Лк. 4, 18). Господь вошел, или, скажем несколько смело, ворвался в ад, *«ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»* (Мф.18,11). Что значит «погибшее»? Вспомним пасхальный тропарь, который читается на проскомидии и повторяется при переносе еще не освященных даров на алтарь. Позволю себе привести его:

Во гробе плотски,

Во аде же с душею яко Бог

В раи же с разбойником,

И на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом,

Вся исполняяй, Неописанный .

«Во гробе плотски», в смерти – **Ты был**. Однажды **Ты вошел** в какое-то скопление абсолютного невремени. «*Был час третий и распяли Его*» (Мк. 15,25). Плоть Его пережила агонию, дух Его познал нищету человеческого удела до самого немислимого предела осуждения. «*Возмездие за грех – смерть*», говорит Послание к Римлянам (6, 23). Христос сошел в ад, дабы принять возмездие всех грешников мира в самом плотном средоточии зла. Потому что ад – тоже время, но скованное и судимое в грехе. Христос сошел в обитель греха с *душею* или *духом*, согласно ап. Петру. Дерзнем ли мы предположить, что воплощение Христа продолжалось и после смерти? Разве мертвая Его плоть – ибо смерть Его была не кажущейся, но реальной – не принадлежала воплощенному Слову, второму Лицу Пресвятой Троицы?

Человеческое смертное время приобрело жесткость, неподвижность, окостенелость в смерти плоти... И тогда дух сошел к «*находящимся в темнице духам*». Человеческое тело было погребено, но тайна и сила Христова продолжала жить и совершаться в этом теле и *во аде* – со всеми его муками и во всей абсурдности этих мук, пережитых *душею яко Бог* – и вошедших в душу каждого из нас, в смерть Его крестившихся, во Христа облекшихся.

Ты был во гробе, во аде, в раю, но и **Ты есть**, присутствуешь в Духе, рядом, здесь, сейчас, когда я читаю эту молитву, когда служится Литургия.

«Ты есть»!

...И вот тугие волокна времени расплетаются перед нами, арамейская речь, прозвучавшая два тысячелетия назад, безо всяких препятствий становится сродни слуху сердца, наполняя невыразимым присутствием всякое мгновение, когда я вспоминаю о Христе, — но также и то, когда я далек от Него. Здесь речь идет о чем-то большем, чем просто память, которую я могу разбудить своей мыслью. Жизнь Иисуса из Назарета достигает нашего существования и прививается к дереву всякой человеческой жизни, которое рождается, вырастает, умирает, падает, чтобы воскреснуть *в последний день* от звука трубы и Слова.

Покаяние и суд, упование и спасение сосуществуют, ибо «**Ты был**» – «Ты еси» – но и «**Ты будешь**» – с нами и в нас.

«*Возлюбленные! Мы теперь дети Божию; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть*», – пишет в Первом послании Иоанн Богослов (3,2). И когда откроется (если это вообще откроется для нас), то *был, есть, будет* сольются во времени, «*где времени больше не будет*» (Откр. 10,6). Ибо там, где Он есть – жизнь жительствоует, но не преходит, не оскудевает, т.е. не покидает своего настоящего. Свет Его незаметно наполняет все забытые уголки нашего существования, однако есть «магический кристалл», в котором «**Ты был**», «**Ты есть**», «**Ты грядешь**» собираются в единство приношения и упования – Таинство Евхаристии. На престоле время человеческое прелагается во время Христа, и мы входим в него, принимая Его Тело и Кровь. Ибо всякая Евхаристия несет в себе три измерения:

— конкретное событие в далекой истории, «*творимое в воспоминание*» смерти и Воскресения Господа Иисуса до дня Его возвращения;

— воспоминание как «событие души» здесь и сейчас, оживающее благодаря молитве;

— и оно же делается событием эсхатологическим, обетованием встречи с Господом в том мире, где «*Бог будет все во всем*» (см.1 Кор. 15, 28).

Это обетование не относится только к какой-то невообразимой дали, исчезающей из поля зрения.

«Царство приблизилось», и вот исполнившееся время открывается трем горизонтам, в которых Бог приходит к нам:

- историчность Воплощения;
- победа над адом в душе человека;
- ожидание возвращения Господа, чаяние Царства Божия, пришедшего в силе.

В евхаристическом присутствии человеческое время в трех его измерениях становится таинством сосуществования с Тем, Который «*есть, был и грядет*» (Откр. 1,8). Время может «*свернуться как свиток*» (Откр. 6,14) или, напротив, распахнуться настезь, когда оно исполнено Христом, Ибо Он «*вчера и сегодня и во веки Тот же*» (Евр. 13,8).

«Вчера, сегодня, во веки», невидимо собранные в Нем, становятся единым потоком. Человеческая история слишком часто пролагает себе путь в окрестностях ада, задевая его или пересекаясь с ним. Но Бог сходит в души людей, чтобы соединить их в Своей, делая каждого из нас «*благоразумным разбойником*» с возгласом на устах: «*Помяни меня, Господи...*» И те, кто не имел ни силы, ни мужества для «*благоразумия*», могут быть возвращены к разуму и изначальной их доброте молитвами святых, которые берут на себя густоту зла. *В раи же с разбойником яко Бог...*

Если позволить себе парафраз ап. Павла, то скажем так: если ты живешь данные тебе дни в тот «десятый час», когда Господь прошел мимо тебя по земле, во аде с душою, следуя завету св. Силуана Афонского, с мольбой разбойника на устах, если предстоишь перед тайной пустого гроба и открывшегося рая...

... или гораздо короче:

если войдешь в полноту присутствия, собранного в имени

«ΚΥΡΙΟΣ ΙΗΣΟΥΣ»,

то словами апостола:

«*спасешься*».

2. Промысл, или истина, которая настигает в пути

«Вот что достойно особого поиска: понять, как приходит Тот, Кто всегда присутствует», – говорит св. Григорий Нисский.

Всякий человек рождается под знаменем завета, заключенного уже самим фактом его создания. Ибо при творении человека происходит *совет на небесах*, выносятся «решение», вспыхивает мысль, зачинается «эмбрион» умного света, который входит в плоть будущего существа как залог дарованного ему богоподобия.

Эта изначальная, вызванная из небытия наша личность остается невидимой. Но она составляет подлинную человеческую природу. Она принадлежит *эсхатологическому прошлому*, но должна быть возвращена *настоящему*, восстановлена в нем. Природа человека несет в себе присущую нам сущностную истину, которую следует вспомнить, выявить, осуществить, и «мятется сердце наше», как говорит блаж. Августин, пока эта задача не будет исполнена.

Слишком часто всей нашей жизни не хватает для того, чтобы довести до конца это исполнение. Восточные отцы настаивали на том, что подлинный человек – это не тот эмпирический персонаж, которого мы знаем, носим в себе и встречаем повсюду, но человек едва сотворенный, вызванный к жизни любовью Божией. Его следует найти; иными словами, – обратиться к себе самому. Обращение может быть мгновенным просветлением или долгим, медленным постижением этой истины божественных корней, хранящейся в человеке. Истина говорит нам, что Бог так возлюбил мир, что захотел, чтобы каждый из нас был соткан Его Словом еще до того, как был зачат. «*Прежде чем Я образовал тебя во*

чреве, Я познал тебя, и прежде чем ты вышел из утробы. Я освятил тебя», – говорит Господь устами пророка Иеремии (1,5). Это познание оставляет свои следы, свои отпечатки, свой замысел, который может быть «вос-произведен» в тот пробег времени, который соединяет в себе Бога и человека.

Два человека отправились в селение, называемое Эммаус, когда сама Истина нагнала их. Ибо Истина бродит по дорогам нашей жизни и останавливается у нас в домах. Она приходит, чтобы обитать с нами, чтобы задержаться у тех очагов, которые человек разжигает для нее. Остановка Истины или, если угодно, привал – прежде всего человек. Но зачастую всего он не знает об этом. Потому нам кажется, что Истина обитает в таком прошлом, которое ускользает от обычного взгляда.

Мы живем в тесном потоке настоящего, которое нам никогда не удастся застать, т.е. уловить и остановить на мгновение. Однако Истина настигает нас, иногда неожиданно выходя из скрытой памяти. По сути, каждый человек нуждается в том, чтобы его разбудили для самого себя, чтобы он вернулся к той истине, которая обитает в нем и незримо ведет его. И когда нас будят, наша жизнь, казавшаяся бесцельным блужданием к неизбежному обрыву, освещается Промыслом, во встрече с которым мы узнаем то, что было некогда сказано нам, но затем забыто.

«И, начав от Моисея,» – говорит Евангелие, – *из всех Пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании»* (Лк.24,27). В тот момент, когда Иисус открывает Себя, Он истолковывает священную историю времени, написанную Им Самим, историю Промысла, осуществляющуюся в каждом из нас. И тогда мы входим в эсхатологическое начало времени, мы возвращаемся, как эммаусские путники, к настоящему, к самим себе из далекого, сокрытого в Боге прошлого, из писания нашей жизни, бывшего прежде нас.

«И начав с Моисея», с того, что мы помним, что знаем, что мы пережили, Иисус открывает нам наше настоящее, наш путь перед Господом, проходящий через дверь нашей *эсхатологической памяти*.

И все, что было сказано о Нем, было сказано также и о Его спутниках. Они шли по той же дороге, ибо именно в человеческом прохождении земного пути Истина раскрывается и узнается нами, чтобы стать Одигрией, ведущей нас по жизни. Истина окончательно откроется в День Суда, однако она дает знать о себе повседневно, окликает нас издали отовсюду, ибо она носит множество имен, приносит и дает узнать себя во многих ликах.

Наш слух, если он только внимателен, соучаствует в этом раскрытии Истины, как причастны этому и глаза, когда они открываются. *«Тогда открылись у них глаза...»* – говорится в истории эммаусских путников, узнавших Иисуса в преломлении хлеба. Узнавание Истины есть акт самосознания или встречи с Промыслом в свете того *настоящего*, в котором соучаствует Бог, того эсхатологического *присутствия*, которое исполняется в *Царстве*. В момент узнавания все то время, которое мы прошли вместе с Истиной, осветившей когда-то сердце человека, возвращается к нам в невиданной плотности, сокрытой в Боге. Мы не говорим, конечно, о возвращении житейского нашего прошлого, полного забот, страхов, тщетных ожиданий; речь идет о встрече с Промыслом как самораскрытием Истины, нагнавшей нас в пути.

Те двое, что шли в Эммаус, поняли, что все перепутья прежней их жизни вели к этой горнице преломления хлеба, что Господь сопровождал их всегда.

«И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»(Лк. 24,32). Оба времени пересекаются друг с другом, время, которое принадлежит нам и обладает нами, время земного пути в Эммаус, время смутных догадок и «удержанных глаз», и то евхаристическое, царственное время, которое Иисус приготовил для встречи с нами. В избранный им момент Бог неожиданно настигает нас в Истине, которая дает узнать себя на ужине в Эммаусе, на пороге Царства Божия... Преломление хлеба продолжается, но Хлеб Жизни становится невидим.

3. «Время посещения твоего»

«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт.1,1)

Вместе с актом творения время входит в образах неба и земли, света и тьмы, воды и деревьев,

животных и трав... Из «безвидности» и покоя в Слове Творца время выходит под видом творений Божиих. На шестой день оно пускается в путь по земле вместе с первыми людьми и вслед за ними переступает порог рая. Оставив его позади, оно тяжелеет, становится неотвратимым, тем, что мы называем «судьбой», неумолимой и неуловимой.

«Есть естественное сходство, – говорит св. Василий Великий в «Беседах на Шестоднев», – между этим миром, животными и растениями, которые находятся в нем, и течением времени, которое всегда торопится и убегает, никогда не оставляя своих усилий. Не таково ли время, в котором прошлого больше нет, будущего еще нет, и настоящее, до того, как его узнают, ускользает от наших чувств? Таковой кажется природа существ, подчиненных становлению...»

И все же время сохраняет где-то свой «райский корень». Когда евангелист Иоанн говорит: «*Все чрез Него начало быть, ...что начало быть*» (Ин. 1,3), – он свидетельствует не только о едином истоке всего сущего, но также и о его нерасторжимом единстве с прошлым, с истоком. Стоит убрать это «*что начало быть*», и мы окажемся в пустоте, ибо то, что минуло, это не только старое одеяние творения, но и нынешняя его кожа. А ее нельзя содрать, не убивая живой плоти под ней.

Согласно видению отцов, время, как и все сотворенное, содержит в себе свои изначальные логосы, которые пребывают в Слове, бывшем в начале. Когда Слово вызывает их к существованию, оно вместе с телом облекает их часами, минутами или веками. Предметы, окружающие нас, события, вовлекающие нас, слова, бегущие вокруг нас, и сновидения, мечущиеся внутри, – все имеет протяженность во времени. Но каков же логос самой временности? Он заключается в том «становлении», которое Слово пожелало разделить со своими творениями. Его пребывание во времени оставило отпечатки, ставшие иконами пребывания Бога на земле. Так, Иисус в день Своего появления на свет собрал в Вифлееме вокруг Иосифа и Марии пастухов и волхвов. Животные пришли к его яслям вместе со звездами и шорохами ночи, весь космос и вся бывшая и будущая история расположились у той вифлеемской пещеры.

Новорожденный, подросток, тридцатилетний равви, Он подчинился всем человеческим возрастам и освятил их Собою. Преданный в среду, распятый в пятницу, воскресший на *третий день*, Он был послушен череде дней «*даже до смерти*» (Фил. 2,8). Он «*возшел*» на небеса, чтобы затем вернуться со славою судить живых и мертвых, «*Его же Царствию не будет конца*».

Не будет конца, но останется начало всего, что «*чрез Него начало быть*» (в раю). Все, что родилось от Его Слова, принадлежит Ему. «*Твой день и Твоя ночь*», – восклицает псалмопевец (Пс. 73, 16), Твои эпохи, годы, часы, мгновения, – все глыбы, все зернышки времени. Твоими пребудут Вечеря с Двенадцатью, завтрак на берегу Тивериадского озера, дорога в Эммаус...

«*Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся!*» – как говорится в евхаристическом каноне.

Мы приносим Ему все образы, написанные и пережитые в потоке, созданном Им, ибо все, что чрез Него начало быть, предназначено стать Его образом. Он стал спутником всего, что движется в этом потоке с начала мира до его завершения. Господь, *приблизившись*, сопровождает каждое из Его творений к тому царственному настоящему, которое заключено в Нем.

«То, что существует, зависит от Того, Кто существует, и ничто не может существовать, что не обладает существованием в лоне Сущего», – говорит св. Григорий Нисский. Но как найти в Нем начало времени? Вспомним о первых именах Господа в Ветхом Завете. В момент Богоявления открывая Себя Моисею, Он описывает Себя в *настоящем прошедшего*: «*Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова*» (Исх. 3,6). У пророков же мы находим обращение к *настоящему будущему*, когда Господь возвещает о грядущих наказаниях и благословениях:

«Я возвещаю от начала, что будет в конце,

и от древних времен то, что еще не сделалось» (Ис. 46,10).

Прошлое и будущее сложены в настоящем как на ладони Божией, Его присутствие скрыто в самом истоке времен. И человек призван сделать это присутствие видимым, ему дано стать образом настоящего, собранного в Боге, сделать эту мутную текучесть дней иконой прозрачности, написанной Словом. Когда Господь впервые открывает Свое имя, Он проливает свет на две его грани: Свою

Сущность, которая не может быть названа и включена в какое-либо время. И вместе с тем Существо Того, Кто называет Себя, обнаруживает Себя именно в присутствии перед человеком:

«Я есмь Сущий» (Исх. 3,14).

В европейских переводах изначальное имя «*Ehiéh-Ascher-Ehiéh*» передано дважды подчеркнутым настоящим: *«Я есмь Тот, Кто есмь»*. По мнению ряда толкователей, это самоименование включает в себя и становление: *«Я стану Тем, Кем стану»*, или же *«стану Тем, Кто есмь»*. Именно в этом становящемся «есмь» Слово стало плотью, пришло к «своим» (Ин. 1,11), разделило жизнь Своих созданий. **Оно стало настоящим, которое охватывает прошлое творения и будущее спасения.** История, на которой Он остановил свой взгляд, измеряется родами и рождениями: *«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...»* (Мф. 1,2). И по ступеням этих родов Слово из вечности шло во время, которое не замедлит своего бега вплоть до «полноты времен» (Гал. 4,4).

Таков ритм Его нисхождения, Его бытия человеком, Его становления историей. Сын Человеческий приходит, *«приняв образ раба»* (Фил. 2,7), чтобы послужить Своим созданиям, заключенным в темнице падшего времени. Каждое творение, и прежде всего человек, становится местом посещения Слова, которое *«уничтожает Себя»* тем, что принимает на себя условия преходящести. Однако если человек создан как *место длительности* этого посещения, он в то же время остается и хозяином этого пространства. Бог говорит с ним, но человек свободен открыть или замкнуть свой слух. Бог оставляет образы невидимого, и имеющий глаза видит, как Бог проявляет себя в *плоти времени*, в дыхании образов, голосе совести, оклике красоты, в чуде повседневных встреч...

Когда Бог сотворил небо и землю, Его творящее Слово, бывшее от начала, уже отбрасывало свой свет из глубины тварных вещей. Тем самым оно прикоснулось ко времени еще до того, как вошло в человеческое существование. Начало, протяженность и конец времен были в Его настоящем *«прежде основания мира»* (1 Пт. 1,20). Или, как говорится в книге «Иудифь»:

«Ты сотворил прежде сего бывшее,

и сие и последующее за сим,

и содержал в уме настоящее и грядущее,

и что помыслил Ты, то и совершилось» (9,5).

Помысл Божий усыновляет и сопровождает всякое существо во время его пути. Всякое дыхание наполнено и согрето Им, ибо как только это тепло отнято, дыхание гаснет и отлетает. Дух дышит в этом плотском времени, дабы мы могли услышать Его дыхание в каждой вещи, наполнить Им пространство нашей жизни.

Обычно человек на земле поступает скорее наоборот: пространство, который Бог дает нам для жизни, мы ужимаем, сокращаем, чтобы сделать его нашей частной собственностью. И потому время кажется нам грабителем, подстерегающим нас, тело старится, жизнь идет не так, как мы бы хотели. На протяжении всей своей истории человек только и ищет, как бы замедлить бег своего существования, остановить его в египетских пирамидах, обладать им в деньгах или иных накоплениях, собирать сорванные цветы в усохший гербарий, заключать в бессмертные творения искусства, увековечивать в утопиях.

Одним словом, мы хотим добиться божественной власти над нашим падшим, мятым, ускользающим временем или по крайней мере суметь убежать от него, подобно тому как Иона попытался убежать от повелевшего ему голоса. И эта попытка кончается тем, что мы оказываемся во чреве морского зверя, порожденного нашими фантазиями и проектами. Если взглянуть на ушедший XX век: разве нацизм не был похож на громадного кита, проглотившего целую нацию? А коммунизм не явился ли другим зверем, еще большим, который набил свое чрево множеством стран и душ без числа? Сегодня глобализация объявляет себя хозяйкой дома, ибо чрево нашего кита стало поистине планетарным. Мы возвели стены вокруг себя из наших проектов, снов, фантазий, коммуникаций, мы почти овладели искусством управления китом изнутри, чтобы вести его в желанном, нужном нам самим направлении...

И все же мы сохраняем какое-то смутное воспоминание о нашем плене. Мы замечаем прутья нашей

всемирной клетки. Человек способен осознать, что пребывает в несвободе. И это сознание уже несет в себе надежду на освобождение. «*В темнице был, и вы пришли ко Мне*», – говорит Христос (Мф. 25,36). Здесь, в темнице, Он сходит во ад, гнездящийся в каждом из людей. И выводит нас из плененности временем, делая его временем Христовым, свернутым в вечности. Слово «обитало с нами», и эпоха Его «обитания» стала историей всего человечества, начиная с Адама.

Согласно древнейшему преданию, Христос был распят на том месте, где был погребен Адам. И когда накануне распятия Он пребывал поблизости от того места, то заплакал об Иерусалиме, потому что он «*не узнал времени посещения*» (Лк. 19,44). Не был ли тот плач и о всех нас? Ибо время, данное нам на земле, это время Его *присутствия рядом с нами*. И мы – только временные управители отпущенного нам срока.

Но лишь изредка мы признаем, что наше существование – не безраздельно наше, но также и Его. Кажется, что Хозяин ушел, мы вправе делать, что хотим, топить жизнь в ничто, чтобы затем называть это ничто, одетое нашими днями, убийцей. Но из данного нам срока можно сотворить пространство для встречи лицом к Лицу, в час Его посещения, час, который раскроется в вечности. Из этой горсти лет и часов, которая нам дана, мы можем сотворить образ пребывания Его с нами. Один образ, другой, третий... Всякая человеческая жизнь может стать подобна иконостасу встреч с Богом Живым. И мы узнаем в Нем тайну времени как икону преображения.

«*Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его*» – скажем вслед за апостолом, ибо тайна эсхатологического настоящего открывается в Церкви, освящающей тех, кому «*благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы*» (Кол. 1,26-27).

---

[1] Творения прп. Максима Исповедника, Главы о богословии. Сотница 1, 66.

[Догматическое богословие](#), [Апологетическое \(основное\) богословие](#), [Патрология](#), [Сакраментология](#), [Сотериология](#)

Ключевые слова:

[Эсхатология](#)

См.также:

[Свобода как эсхатологическая реальность](#)

[Хилиазм: подлинно церковное учение или частное мнение нескольких древних отцов?](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

